

Разрушители

Обновленчество в Православной церкви в XX веке

Иван ЯНУШЕВИЧ,
кандидат исторических
наук, доцент

В современном мире мы часто сталкиваемся с подменой понятий. Под флагом борьбы за демократию осуществляется разрушение государств, «забота» о правах человека наносит удар по институту семьи, «свобода слова» превращается в ширму для распространения лжи и манипулирования общественным мнением. Свой «вклад» в подобную практику внесло и обновленческое движение Русской православной церкви в XX веке. Прогрессивное стремление к реформам в Церкви с целью направления ее сил на решение главной задачи – духовного служения народу переродилось в раскол, отпадение от православия, разрушение духовно-нравственных основ общества.

Несмотря на внешне благополучное сотрудничество между Православной церковью и властями в Российской империи, проблемы в их взаимоотношениях к началу XX века приобрели системный характер. Церковь выступала как важнейший идеологический институт, как знаковая составляющая идеи российской государственности. Синодально-консисторская система позволяла властям полностью регулировать внутрицерковные дела, а фактическое руководство ими мог осуществлять чиновник, не разделявший христианское мировоззрение. На Поместном соборе 1917–1918 годов

архиепископ Таврический Дмитрий (Абашидзе) с саркастической горечью говорил о церковной власти: «И схватили эту власть цепкие руки: явилось преемство власти не в рясах, а во фраках и мундирах, преемство людей неверующих, явных отступников от веры, по рождению и по воспитанию не принадлежащих к русскому народу» [1, с. 41].

Непопулярность в обществе правящих кругов Российской империи в начале XX века была настолько высока, что отождествление Церкви с политическим режимом серьезно ухудшало ее имидж. Эта ситуация вызывала недовольство в среде священнослужителей и мирян, считавших миссию православия духовное служение народу, а не выполнение надзорных функций за политическими взглядами прихожан. Необходимость перемен в системе государственно-церковных отношений была очевидной. Церковь стремилась к свободному развитию в русле православных канонов. Быстрое укоренение капиталистических отношений, формирование новых условий жизни требовало адекватного ответа – грамотно разработанной социальной доктрины, основанной на вероучительном фундаменте Церкви. Часть епископата, в том числе члены Святейшего синода, простой клир, профессура духовных академий отчетливо понимали опасность для веры и Православной церкви существовавшей в то время внешней обрядовости и инстинктивной ре-

ОБ АВТОРЕ

ЯНУШЕВИЧ Иван Иванович.

Родился в 1974 году в д. Забулье Слонимского района Гродненской области. В 1996 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета, в 1999 году – аспирантуру РИВШ БГУ, в 2011 году – Академию управления при Президенте Республики Беларусь.

С 1999 по 2002 год работал в ЦК ОО «БПСМ», в 2002 году – в Комитете по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь.

В 2002–2004 годах – заведующий сектором аналитической работы БГУ. В 2005 году возглавил научно-методический отдел идеологической и воспитательной работы высшей школы РИВШ.

С 2005 года – заместитель декана гуманитарного факультета БГУ по учебно-воспитательной работе.

Член экспертного совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь.

Кандидат исторических наук (2001), доцент (2008).

Автор 70 научных публикаций.

Сфера научных интересов: государственно-церковные отношения, развитие конфессиональной ситуации в Беларуси.

лигиозности, выполнявших политическую и националистическую, но не религиозную функцию. Осмыслением ситуации активно занялись религиозно-философские собрания, состоящие из интеллигенции, профессуры духовных академий, священнослужителей. В стране происходило отрезвление от нигилизма и безбожия «шестидесятых» XIX века. Шел поиск ответов на важнейшие вопросы общественно-политической жизни и в религиозном учении. Изменения ситуации ждали также в среде простых священнослужителей. Причем выражались эти ожидания порой в абсолютно радикальных формах. Например, о. Георгий Гапон в Санкт-Петербурге, увлекшись социализмом, по сути, спровоцировал со своими сторонниками Кровавое воскресенье 9 января 1905 года. В дальнейшем, разобравшись, к чему это может привести, «поп Гапон» отрекся от идей революционного преобразования России и был убит экстремистами. Тогда же так называемая «группа 32 священников» в Санкт-Петербурге направила письмо правящему архиерею с требованием радикальных церковных реформ.

Имело место и недовольство существующей системой религиозного образования. В феврале 1905 года из ряда вон выходящим событием стал бунт учащихся Минской духовной семинарии. «Отказавшие в повиновении своему начальству студенты учинили в семинарии жуткий погром, в результате которого были разгромлены: канцелярия, квартиры ректора и инспектора, а учебный

процесс в семинарии прервался на три месяца» [2, с. 14].

В условиях начавшейся мировой войны первостепенной задачей стало высвобождение Церкви из бюрократических пут. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, но не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдалялась от людей. Наблюдалась дальнейшая политизация духовенства. Церковь не обладала потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [2, с. 26]. Хотя религия играла важную роль в общественном сознании, ни царь, ни его окружение в сложных для страны условиях не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви. Пренебрежение верховной власти к этой проблеме вело население страны, в том числе и православных верующих, к своего рода мировоззренческому обрыву.

Политическое руководство Российской империи сочло попытки модернизации Церкви несвоевременными и даже опасными. К роковому 1917 году Православная церковь не смогла освободиться от государственных пут. Из предлагаемых многими иерархами реформ ни одна не была реализована: антиклерикальные настроения в обществе из-за этого усиливались. Решению внутрицерковных проблем могла способствовать соборность в управлении Церковью, однако власти не разрешили создать Поместный собор, который мог избрать патриарха или сформировать иную действенную систему управления. Важнейшими задачами, требующими решения, были реформы духовных школ, приходов, административно-территориального деления епархий. В связи с этим оказалась пророческой запись в дневнике отца Георгия (Шавельского): «Реформ не будет! А в таком случае революция церковная – особенно если разразится революция государственная – неминуема» [3, с. 59].

Между тем, несмотря на имеющиеся противоречия, религия в России продолжала играть важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном испове-

▼ Президиум
Поместного собора
1917–1918 годов

дании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [3, с. 168]. Однако, утратив авторитет, в том числе для спасения монархии и удовлетворения меркантильных интересов государства, Русская православная церковь к 1917 году подорвала иммунную систему общества, способность его противостоять политическому и религиозному экстремизму. Выступая за обустройство более справедливого, социально ориентированного государства, Церковь не смогла стать барьером на пути самоистребления нации. Не возглавив движение за преобразование общества, РПЦ заплатила за это сотнями тысяч жизней клириков, прихожан, потерей имущества, а также появлением на своем теле неизлечимых язв раскола.

Катализатором возникновения в церковной среде центробежных течений явилось внутреннее государственное нестроение. Падение монархии, министерская чехарда, непонятность государственного обустройства в условиях крайне расстроенного народно-хозяйственного комплекса и разваливающегося фронта толкали людей к совершенно неприемлемым поступкам. Самочинные экспроприации, разбой и мародерство стали рутиной. Страну наводнили всякого рода политические и псевдорелигиозные идеи и деятели. Именно «духовно-нравственное оскудение» и привело в 1917 году не только к двум революциям, но и к особому восприятию действительности значительной частью граждан империи. Социально-экономические неурядицы, политические шатания в не проникнутых христианской любовью сердцах вызывали желание улучшить свое положение любыми средствами. Это стремление увлекло и некоторых воцерковленных людей, священнослужителей и даже монахов.

Действия Временного правительства в лице «демократа-реформатора» оберпрокурора В.Н. Львова напоминали скорее антиправославный демарш, чем здравую конфессиональную политику. Иерархи Церкви, не согласные с действиями оберпрокурора, увольнялись на покой, Святейший синод обязан был выполнять его волю. Среди религиозных деятелей оказались те, кто за требованиями социальной справедливости не усмотрел губительных для Церкви последствий. Радикальные лозунги

выдвигали и представители созданного в 1917 году Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян. Наряду со справедливыми требованиями по обустройству общественной жизни, союз выдвигал призывы к внутрицерковным реформам, подрывавшим единство православия. Открывшийся в августе 1917 года Поместный собор не поддержал этих реформ. Избрание патриарха и наметившиеся перемены в деятельности РПЦ оставили представителей союза в явном меньшинстве. «Реформаторам» в борьбе за выживание требовался мощный союзник, которым могли стать официальные власти. Уже в 1918 году отдельные представители духовенства предлагали большевикам услуги для борьбы с «церковной контрреволюцией». Однако новая власть «заигрывать с попами» не стала. В революционном запале большевики предполагали в течение нескольких лет ликвидировать саму религию.

К 1920 году ситуация изменилась. Наметился общерелигиозный подъем в массах. Стало ясно, что насадить социализм штурмовыми методами не удастся. Не получалась и антицерковная атака. Для борьбы с Православной церковью требовались иные методы. Одним из них стало инспирирование раскола Церкви и осуществление преобразований, разрушающих основу православия. К сожалению, среди духовенства нашлись люди, согласившиеся в этом участвовать. Значительная часть из них являлась участниками дореволюционного реформаторского движения.

Органам государственного управления в первой половине 1922 года удалось передать руководство РПЦ яростным сторонникам советской власти – обновленцам. Было создано Высшее церковное управление (ВЦУ). Патриарха Тихона арестовали, а не желавшие признавать ВЦУ епископы и простые священники смещались, подвергались арестам, угрозам и иным формам давления. Открыто противостоять обновленцам было опасно: в 1922–1923 году это означало попасть под расправу карательных органов. Признал ВЦУ и епископ Минский и Туровский Мелхиседек. Группа белорусских священнослужителей и общественных деятелей поставила вопрос об автономии Белорусской православной церкви. Мелхиседек, не придавая этому особого значения и осно-

вываяся на письмах патриарха Тихона и его временного местоблюстителя митрополита Агафангела, взял курс на автономию. 10 июля 1922 года в Минском кафедральном соборе было объявлено о провозглашении автономии Белорусской церкви. Создавалась Белорусская митрополия на территории БССР – епископ Мелхиседек был назван митрополитом Белорусским и Минским. Однако, заявляя о поддержке большевиков, он старался избежать более позорных и пагубных для Церкви обновленческих нововведений. Полный отказ от сотрудничества с властью влек за собой арест митрополита и его сторонников, что автоматически расчищало дорогу обновленцам. Для того, чтобы ограничить деятельность раскольников, сторонники патриарха Тихона – «тихоновцы» – стали играть на противоречиях между различными обновленческими группировками. Руководство ГПУ БССР, оценив ситуацию, начало проводить мероприятия по поддержанию раскола в РПЦ. 17 августа 1922 года было издано циркулярное распоряжение всем уездным отделам ГПУ. В нем предписывалось выявить «пригодных для работы священнослужителей, организовать их в группы и всячески стимулировать присоединение к ним остального духовенства» [5]. Однако трогать митрополита считали пока нецелесообразным. С одной стороны, была надежда, что Мелхиседек прекратит саботировать «церковно-революционное движение» и поможет легитимировать претензии ВЦУ на церковную власть, с другой – верующие негативно относились к нововведениям «живцов» – так называли обновленцев, именовавших себя «Живой церковью». Мелхиседек пользовался большим авторитетом, и его арест вызвал бы нежелательную реакцию. К весне 1923 года органы ГПУ убеждаются в пагубности деятельности митрополита: в Минской епархии обновленческое движение было представлено практически формально. В апреле 1923 года Мелхиседека выслали из республики.

Обновленцы перешли в наступление и смогли провести ряд организационных мероприятий. Минск посетил фактический руководитель ВЦУ А. Введенский. Намечавшееся оживление «живцов» прервало неожиданное освобождение патриарха Тихона. Оказавшись на свободе, перво-святитель выступил с резким осуждением

раскольников. После принесения патриарху покаяния осенью 1923 года в Минск вернулся Мелхиседек. С его приездом обновленчество в Минской епархии фактически перестало существовать. Это, однако, не устраивало политическое руководство республики, тем более после укрупнения БССР в 1924 году. В восточных регионах Беларуси обновленцы были достаточно сильны: по числу приходов позиции «тихоновцев» и раскольников были практически равными. Легитимировать претензии «живцов» на право представлять РПЦ в БССР власти попытались посредством проведения Первого Белорусского областного церковного собора в мае 1924 года, где был учрежден Белорусский Священный синод во главе с епископом Серафимом (Мещеряковым). Однако новый митрополит всей Белоруссии не предпринял действенных мер для борьбы с «тихоновщиной», разобравшись в сложившейся ситуации и уже в сентябре принес покаяние Святейшему Патриарху. Для легализации нахождения в БССР нового главы обновленцев на Мелхиседека и некоторых его сторонников было заведено уголовное дело с возможностью применения высшей меры революционной законности. Минское епархиальное управление запретило. При поддержке госорганов обновленцы пошли в решительное наступление, выразившееся в захвате храмов и имущества. Митрополит был вынужден пойти на определенные уступки, чем вызвал возмущение верующих.

Именно в этот период начался еще один трагический этап в истории РПЦ на территории Беларуси. В 1924–1925 годах в Витебске, Могилеве, Гомеле, благодаря активной и мужественной деятельности сторонников патриарха, обновленчество пошло на спад, а прибывшие туда архиереи, особенно Могилевский Никон (Дегтяренко) и Гомельский Тихон (Шарапов), выступили против провозглашенной в 1922 году автономии и объявили Мелхиседека раскольников. Подобные разногласия никоим образом не способствовали церковному строительству. Они были выгодны обновленцам, но на этом пути стали простые верующие, вдохновляемые не впадшими в раскол пастырями. Прихожане не признавали «красных батюшек», считая их таинства неблаготатными, а общение с ними – греховным. В условиях тяжелого экономического

◀ Архиепископ
Мелхиседек (Паевский)

кризиса в конце 1920-х годов источником чуть ли не всех бед считался безбожный режим, и явное сотрудничество с ним никак не ассоциировалось с духовным служением священника. К тому же моральный облик большинства обновленческих батюшек не соответствовал православной традиции и больше походил на разнузданное поведение представителей власти.

Советское законодательство ставило церковнослужителей в полную материальную зависимость от приношений граждан. Обновленческие приходы БССР были малочисленны и бедны, что вызывало отток священников. Резкая антирелигиозная кампания в 1930-е годы фактически уравнила положение всех течений РПЦ в БССР, что вылилось в почти полную ликвидацию организационных структур Церкви. На всесоюзном уровне до середины 1930-х годов господствовало мнение, что обновленческие структуры после дополнительного натиска на староцерковников вполне смогут единолично возглавить РПЦ. Но репрессии 1937–1938 годов на какое-то время унифицировали отношение власти к религиозным организациям.

Факты свидетельствуют, что обновленчество в Русской православной церкви представляло собой разнородное движение

клира и мирян, жестко контролируемое официальными властями. И если при царском режиме такой контроль был попыткой оградить общество от инакомыслия, то большевики ставили задачу полной ликвидации Церкви. Одним из направлений антирелигиозной деятельности были инспирирование, поддержка и практическое осуществление расколов. А обновленчество со своей псевдомодернизацией выступало ширмой этих процессов.

Показательно, что ни в Российской империи, ни в СССР затраченные властью усилия не привели к созидательному результату. Распространение нетрадиционных религиозных учений и социалистических идей в условиях Первой мировой войны способствовало изменению политического строя, повлекшему за собой многочисленные человеческие жертвы, системный кризис государственной власти, экономический коллапс. Вмешательство большевиков во внутрицерковные дела разрушило духовно-нравственный стержень общества, вызвало недоверие к осуществляемым социально-экономическим преобразованиям. Инспирированные расколы и резкие антирелигиозные действия партийно-государственных структур, особенно с начала 1930-х годов, привели к переходу части православных верующих в катакомбные и сектантские общины, абсолютно враждебно относящиеся к советской власти. Обновленчество не вылилось в народное движение. Пренебрежительное отношение к нему прихожан и стало, скорее всего, определяющим при выборе власти церковной структуры для нормализации государственно-церковных отношений в 1943 году. В немалой степени этому способствовал патриотический порыв верующих, вставших на защиту Родины в годы Великой Отечественной войны. Он показал истинный смысл духовного служения Русской православной церкви. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыпин, В. Русская Церковь 1917–1925 / В. Цыпин. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 189 с.
2. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
3. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – 168–282 с.
4. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 489. – Л. 81.